

О. В. ВИНОГРАДОВА
(Москва)

СЕМЕЙНЫЕ ПРОЗВИЩА В РУССКИХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ, МОЛДАВИИ, РУМЫНИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТРАДИЦИИ

Неотъемлемой частью коммуникации в русской сельской общине всегда было использование прозвищ — как коллективных, так и индивидуальных. Локальные (региональные) антропонимы, коллективные и индивидуальные прозвища издревле являлись важнейшим средством социальной идентичности, аккумулировали народный опыт описания и оценки как внешних, так и содержательных характеристик индивидуума.

Прозвищами как феноменом языкового творчества отечественные исследователи начали заниматься еще в XIX — начале XX в. В «Сказаниях русского народа» И. П. Сахарова есть раздел «Русские народные присловья», посвященный в том числе прозвищам. Прозвища-присловья (мы бы их сейчас назвали *локальными этнонимами*, или *локальными антропонимами*) в ряде работ описал Д. К. Зеленин, отмечавший, что объектом «присловий» часто становятся новые переселенцы — особенности их речи, характер, обычаи [Зеленин 1994]. «Народное присловье, — пишет Зеленин, — можно определить как прозвище, относящееся не к единичному лицу, а к группе лиц, составляющих собою географическое или этнографическое целое <...> Так понимали этот термин собиратели памятников русского народного творчества Снегирев, Сахаров, Даль и др. <...> Присловье чаще всего заключается в одном или двух словах» [Зеленин 1994а, 65].

Над проблемами русской антропонимии работали также А. И. Соболевский, Н. М. Тупиков. Н. М. Тупиков в исследовании «Заметки к истории древнерусских личных собственных имен» писал, что «русское имя» (прозвище) у русских могло быть равноправным с христианским, использоваться вместо него либо иметь только значение прозвища [Тупиков 1892, 7]. В рецензии на «Словарь древнерусских личных собственных имен» Тупикова Д. К. Зеленин отмечает, что автор не включил в поле своего зрения случаи языкового (фольклорного) обыгрывания христианских имен, используемых в качестве прозвищ, — и сам приводит примеры такого рода («Михайла по прозвищу Никулай», «Василий по прозвищу Иванушко» и др.) [Зеленин 1903, 3].

В 60—70-е гг. XX в. в отечественной фольклористике возникает множество классификаций прозвищ как по их социально-антропологическим функциям, так и по происхождению. Это классификации А. М. Селищева, В. К. Чичагова, А. В. Суперанской, В. А. Никонина. Классификация некалендарных имен Селищева стала традиционной и принималась за основу в последующих исследованиях некалендарных антропонимов многими учеными [Селищев 1948, 128—129]. Толчком к широкому исследованию русских фамилий в советское время послужило также Первое Всесоюзное антропонимическое совещание 1968 г.

В начале 1970-х гг. выходит множество сборников по ономастике, частично касающихся и интересующей нас проблематики, см.: [Антропонимика 1970; Этнонимы 1970; Этнография имен 1971].

В эти годы учеными был отмечен сдвиг в содержании термина «прозвище» (и в назначении прозвищ) в применении к разным историческим периодам. Если в XV—XVII вв. прозвищем может называться скорее нецерковное имя, о котором говорил Н. М. Тупиков (у С. Б. Веселовского также упоминаются, например, *Бархат Иванович* и *Аксамит Иванович Мецкерские* [Веселовский 1974, 25]), то в период массового закрепления фамилий, в XVIII—XX вв.,

и в настоящее время прозвище скорее коррелирует с фамилией, а не с именем, может быть образовано от фамилии и становиться фамилией. Прозвище все больше становится необязательным, дополнительным, оценочным по отношению к имени.

В 1980—90-е гг. к прозвищам как малому жанру фольклора применяется системный этнолингвистический подход, разрабатываются междисциплинарные методики работы над прозвищами в контексте этногенеза отдельных субэтнических групп, обряда, мифологических народных представлений и системы фольклорных жанров, см.: [Климчук 1983; Журавлев 1984; Герд 1995].

Наиболее близкими к данной работе по анализируемому материалу являются работы Ю. Б. Воронцова, посвященные коллективным прозвищам (этнонимам) [Воронцова 2000; 2001; 2002]. Часть анализируемых прозвищ, условно названных нами «семейные», по происхождению относятся к этнонимам и псевдоэтнонимам: *заплавы* (с. Гиндерешты), *цуканы* (с. Браила), *щепоточки* (г. Вилково — об украинцах-никонианах).

В 2007 г. вышел «Большой словарь русских прозвищ» Х. Вальтера и В. М. Мокиенко (школа Б. А. Ларина), сопровождаемый обстоятельной историографической статьей и содержащий четыре группы прозвищ, в том числе интересующие нас традиционные народные прозвища, но без грамматических и семантических вариантов [Вальтер, Мокиенко 2007].

Вопрос изучения семейных прозвищ представляет, безусловно, очень большой интерес. Как сами семейные прозвища (образующие грамматические и лексические «гнезда», что отражает словообразовательные модели диалекта, а также его экспрессивные возможности), так и их система, являются своеобразным портретом общинной языковой образности, слепком живой устной речи (диалекта) носителей традиционной культуры, сельских жителей. Кроме того, реконструкция и изучение механизма передачи прозвищ и их распространения могли бы, как

нам кажется, дать интересный материал по социальной антропологии.

Данная статья основана на полевым материале, полученном автором в экспедициях весны и лета 2008 г. В результате опросов липован Румынии (с. Новенькое—Гиндерешты, с. Браила (хутор Писку) и Украины (г. Вилково, с. Муравлевка, Новая Некрасовка), русских старообрядцев Молдовы (с. Кунича, с. Покровка) мы составили краткий обзор современного состояния этого элемента фольклорной традиции в названных выше старообрядческих селах.

Прежде чем мы перейдем к основной части статьи, необходимо уточнить, что *под прозвищем мы понимаем имя, отличное от официального и полученное индивидом в некоем социальном (субкультурном, субэтническом и др.) сообществе в соответствии с внешней или психологической характеристикой, либо обусловленное окказионально и служащее для идентификации человека в группе*. Соглашаясь с Г. О. Винокуром в том, что прозвище практически всегда образно, экспрессивно, мы в то же время подчеркиваем именно номинативную, идентифицирующую, а не оценочную составляющую прозвища. Таким образом, определение, даваемое словарем синонимов Абрамова: «Прозвище — название, указывающее на какую-либо черту, особенность и данное кому-либо в шутку, в насмешку» [Абрамов 1999, 378], — в нашем случае явилось бы неверным, недостаточным. Последнее определение маркирует ослабление идентифицирующей функции (в современных условиях) и усиление оценочной (насмешка). На наш же взгляд, образность, всегда присущая прозвищу, используется не только и не столько в целях насмешки, сколько в целях скорейшего опознавания сообществом носителя этого прозвища.

Ирина Кучерявенко (1978 г. р.) из села Новая Некрасовка Одесской области сообщила о наличии в селе прозвища *Швидкой*. Прозвище это (информанты просили не называть в статье фамилии носителя прозвища) относится к «медленному дядьке» — человеку заторможенному, туповатому. Как видим, 121

при очевидной ироничности прозвища, идентифицирующая функция (шведкой — только наоборот) сохраняется. В. Флоровская в статье о прозвищах на Кубани также отмечает несколько такого рода «прозвищ с отрицательным признаком»: *Геркулес* — о тщедушном человечке, *Красотка* — самая некрасивая старуха и др., см.: [Флоровская 1971].

Идентифицирующая функция прозвищ обусловлена, в том числе, следующим обстоятельством. В селах старообрядцев-липован Румынии и Украины и во многом близких к ним по культурному облику русских старообрядческих селах Молдавии (села Кунича, Старая Добруджа, Покровка), больших по площади и многонаселенных (население может составлять несколько тысяч человек), где большая часть жителей и по сей день носит пять-шесть фамилий, необходимо было идентифицировать человека иначе, чем по официальной фамилии и церковному имени. Оценочная функция (социально-психологическая характеристика) при этом, хотя и присутствовала, играла подчиненную роль.

Справедливость нашей мотивации подтверждает и Ю. Б. Воронцова в своем исследовании коллективных русских прозвищ. «Естественно, что если все население деревни имеет одну и ту же фамилию (или две-три фамилии), то антропонимикон перестает выполнять функцию идентификации объекта номинации — и появляются предпосылки для развития прозвищной системы. Соответственно, появляется потребность обновить именник, введя в него новые наименования с прозрачной внутренней формой, которые могли бы не только называть, но и характеризовать объект номинации. Поэтому на таких территориях система прозвищной антропонимии динамична и обладает богатым номинативным потенциалом во всех своих звеньях — как в сфере индивидуальных и семейных прозвищ, так и в сфере коллективных прозвищ» [Воронцова 2002, 5].

122 Семейное прозвище получают по наследству от родителей (отца, деда,

матери), передают жене, детям и т. п., оно изменяется грамматически, что маркирует форму взаимоотношения с другими членами семьи (например, *Соменчиха* — жена *Сома*, *Сомёнки* — дети *Сома*). Отличительной чертой семейных прозвищ является их групповой характер — они образуют «семейство прозвищ», своеобразное гнездо однокоренных слов, реже семантически близких (обозначающих однородные понятия: муж *Карась* — жена *Бабюшка*, родители *Веревки* — дети *Шnurки*). Таким образом, феномен семейных прозвищ (малоизученный лингвистически, так как их обычно рассматривают как частный случай индивидуальных) интересен и с точки зрения эволюции семьи в рамках социальной структуры общины, и с точки зрения словопроизводства.

Что касается терминологии, обслуживающей данный раздел ономастики, то вслед за авторами «Большого словаря русских прозвищ» повторим, что она далека от стандартизации, часто факкультативна. Многие вопросы остаются дискуссионными. Отметим только, что проблемами терминологии серьезно занимались К. В. Чистов, В. А. Никонов, Н. Г. Гордеева, О. Н. Трубочев.

В нашем случае дело осложняется тем, что в группу «семейные» мы объединяем прозвища разного происхождения: 1) индивидуальные, распротранившиеся на семью (иногда впоследствии и на несколько родственных семей) и образовавшие варианты рода, числа, другие производные; 2) условно «коллективные», закрепившиеся за семьей или несколькими семьями и живущие по законам «семейных» (с грамматическими вариантами и т. п.).

Важно отметить отношение липован как Румынии, так и Украины и Молдавии к такому феномену, как внутригрупповая идентификация людей, семей и даже адресов по прозвищам. Они хорошо осознают эту функцию прозвищ. Например, Алексей Меликов (председатель общины липован в с. Новенькое—Гиндерешты, 1963 г. р.) отмечает, что для липован в возрасте старше сорока лет прозвища — основ-

ное средство идентификации семьи и личности в селе. Его самого чаще называют по прозвищу — *Зизя*, чем по фамилии. Люди старшего возраста часто затрудняются, вспоминая его фамилию. В Вилкове также лучше знают людей по прозвищам: «*Коло кого хата? — Коло Головатого*» (информант Галкина Г. А., 1946 г. р.).

Ирина Самуил (1937 г. р.) из Браилы и ее сестра Матрёна по прозвищу *Сестры Селезнихи* отмечают позитивный аспект наличия семейных прозвищ для конкретной личности. Хорошо, что прозвище к тебе уже пришло, и ты так называешься вместе с другими — «с сестрами, маткой-баткой, дядькой», иначе тебе бы придумали твое собственное обидное прозвище: дурная, кривая.

Нижеследующая классификация прозвищ не претендует ни на полноту, ни на научную новизну, в данном случае она только структурирует фактический материал, который нам в первую очередь хотелось представить.

Источником прозвища может быть:

— профессия одного из членов семьи: *Чеботари*, *Брынзари*, *Коля Базарник*, *Богомазы* — иконописцы, *Черное Золото* (*Анька Черное Золото* продавала уголь в Вилкове); *Пашка Миллиончик* — бизнесмен; *Корреспондент*, *Глаголи* — прозвища писателя Семена Придорожного и его семьи (с. Кунича);

— внешняя особенность первого носителя прозвища, часто диктующая соответствующее поведение: *Зизя* — косой, *Кужели* — кудрявые, *Паша Качеля* — хромя Паша, *Рыло* (Рылы — «они все рылатые, морда — во!» — по словам И. Кучерявенко, с. Новая Некрасовка), *Кони* — сильные, *Король*, *Боги* — крепкие, жестокие, *Балхаиш* (*Дед Балхаиш* — дед жены Николая Артиона, 1973 г. р., из с. Новенького был очень сильный, «сам тягал лодку», и его называли по названию русского парохода);

— характер: *Шолтик* — жулик, *Самокичка* (с. Браила — Трофим Аврам, 1949 г. р., считает это прозвище метафорой, характеризующей властную женщину), *Тихолазы* (с. Браила), *Не велела мене маменька* (г. Вилково, сначала

прозвище мужчины, после и прозвище его жены), *Сикли* — трусливые (Е. Придорожная, 1959 г. р., с. Кунича);

— сравнение с животными, птицами, рыбами: *Зайцы*, *Кабаны*, *Муравли*, *Соловьи*, *Магары* — ослы, *Кваки* — журавли, *Фазаны*, *Вороны*, *Волки*, *Курканы* — индюки, *Голубки* (мужчины тоже *Голубки*, с. Муравлевка), *Пискуны* (то же, что голуби, с. Новая Некрасовка), *Буслаки* — аисты, *Раки*, *Козы*, *Собаки*; *Сомы*, *Караси* и др.

— негативная оценка (пейоративы): *Бздуны*, *Засери*, *Кизяки*, *Гусиное говно*, *Дикари* (г. Вилково), *Засыхины*, *Туруру* — забытые, неграмотные (с. Кунича); *Упыри* (г. Вилково), *Комари* (с. Кунича, на выборе значения «упыри» настаивал С. Придорожный, 1951 г. р.), *Клоны* (с. Муравлевка);

— частное пристрастие носителя прозвища: *Наша Баня* (с. Новенькое); *Мультики* (с. Кунича);

— особенности речи носителя прозвища: *Цуканы*, *Цурики* (с. Новенькое); *Картавые* (г. Вилково); *Гундя* (г. Вилково); *Вавани* (И. Кучерявенко считает, что прозвище передразнивает заикание носителей: «*Дед говорил о себе: В-ва-ваня*»);

— история переселения носителей прозвища или их предков (локальные, географические): *Заплавы*, *Переправцы*, *Херсончики*;

— родственные отношения с иной этнической группой (псевдоэтнонимы): *австрияки*, *молдованы*. Интересно перифрастическое прозвище в с. Новеньком *Юхим Иванович* (наличие отчества означает принадлежность к русским, поскольку румынские липоване сейчас не используют отчество, а носитель прозвища общался с родственниками в СССР). Псевдоэтнонимы могут использоваться и в функции метафоры (*жиды*, *жидки* — «*хитрые, лопату в руки не берут, манипулируют с деньгами*» (Е. Придорожная, с. Кунича);

— конкретный случай (окказиональные): *Баба Саша* — *А коровку-то не вписали* (вся фраза является прозвищем: когда давали компенсацию за землю, баба Саша из с. Кунича все вспомина-

ла какую-то отнятую у матери в давние времена корову).

Заметим, что прозвища, связанные с именами животных и птиц (в Вилкове также широко распространены «рыбы» прозвища), конечно, уже не имеют никаких тотемистических мотивировок. Однако же данная система (или ее прообраз), в настоящее время опирающаяся лишь на характеристики носителей прозвищ, вероятно, была когда-то обусловлена тотемными представлениями и тесно связана с мифологией (причем не обязательно русской) определенной местности. Н. В. Дранникова в одной из своих работ, посвященных прозвищам, замечает: «У саамов существовало тождество в названии селений и тотемов. Ряд регионально-групповых прозвищ, распространенных на Кольском полуострове (например, *крохали*, *курюпти*, *гуси*, *вороны* и др.), А. А. Минкин рассматривает как калькированные русскими саамские названия тотемов. Можно предположить, что традиция регионально-групповых прозвищ восходит к тотемизму» [Дранникова 2004, 78], см. также [Минкин 1987, 101].

Что касается механизма возникновения семейного прозвища, то, как мы видели выше, он варьируется в зависимости от типа самого прозвища. Семейное прозвище может быть бывшим локальным этнонимом, когда-то относившимся ко всей деревне, т. е. быть коллективным прозвищем по своему характеру. Может оно происходить и от личного антропонима, распространившегося на всю семью (несколько семей).

Принцип перехода прозвища на новую семью не вполне ясен, но более активно оно передается по женской линии, представляя собой оппозицию фамилии, передающейся по отцу. К сожалению, хотя об этом феномене упоминали многие информанты, у нас пока нет достаточного количества примеров, чтобы проследить эту закономерность на примере конкретных семей. О переходе семейных прозвищ по женской линии у старообрядцев-поморов автору данной статьи говорил и помор Алексей Безгодов.

Д. К. Зеленин считал присловья жанром поэзии, а не прозы, обращая внимание на их образность, продуктивность, речевую экспрессию [Зеленин 1994а, 67].

Что касается используемых речевых приемов, с помощью которых образуются прозвища, то это, конечно, разного рода *метафоризация*, идущая более или менее типичными путями.

а) Типично сравнение, особенно женщин, с предметами домашнего обихода, особенно с широкими корзинками, кадушками, повозками, печками: *Квашня*, *Кошелочка*, *Двакаменка* и др. Соответственно, высокие, стройные люди будут называться *Поливочки* (высокий кувшин, объясняла Г. Галкина, г. Вилково).

Сравнение с утварью, мебелью часто встречается в обыденной разговорной речи: «*А ну-ка разверни свой гардероб*» (в бане, с. Покровка), «*Жопа, как повозка*» (с. Браила).

б) Метафора может тяготеть к гиперболе, создавая иронический эффект: *Гора еси великая* — прозвище о. Ивана (с. Измаил), — хотя и не всегда (*Балхаш* — прозвище большого и крепкого мужчины по названию парохода, *Боги* — прозвище семьи из Куничи, члены которой обладают дурной славой и тяжелым характером).

Образ может реализовываться при варьировании однокоренных или семантически близких слов, при этом образуются:

в) словообразовательные гнезда: *Сом* — *Сомёнок* — *Соменчица* — *Сомёнки* (с. Браила), *Пискун* — *Пискунича* — *Пискунёнок* — *Пискунята* (с. Муравлевка) и т. д.;

г) гнезда семейных прозвищ с семантическими вариациями (очень архаичное явление по своему происхождению): *Веревки* и *Шнурки* (родители и дети, с. Кунича); *Яшка Карась* (муж) и *Фёкла Бабошка* (жена) (г. Вилково, бабошка — сорт рыбы); прадед, дед, отец — *Капуста*, сын и внук — *Качан*; отец *Хрюк*, сын — *Наф-Наф*.

Как замечал Н. М. Тупиков, последний вид словесной вариативности был присущ «дофамильному» периоду

именования русских [Тупиков 1892, 7], добавим, что он редко прослеживается позднее XVII в.

Как показывает фольклорный материал, семейные прозвища все реже появляются в жизни современных старообрядческих сел. Сравнительно много прозвищ существует на сегодняшний день в с. Муравлевка Одесской области и с. Кунича в Молдавии. Они отличаются активным словообразованием — т. е. наблюдаются мужские, женские, детские варианты: *Кочубей* — *Кочубейчик*, *Кот* — *Котёнок* — *Мяут*; *Кукушка* — *Кукушонок* — *Кукушончек* и др. Некоторые прозвища прослеживаются на сто и более лет назад.

В Румынии, прежде всего, исчезает русский язык. Но дело здесь не только в нем. Трофим Аврам из Браилы называет время, когда еще появлялись новые семейные прозвища — середины 1970-х гг. Сейчас в употреблении только старые, новые не возникают. Как мы уже упоминали, значения многих бытующих в их селах прозвищ румынские липоване уже не понимают. *Сикиник* (диал. *сплетник*, *бранчливый*, возможно, *доносчик*) — прозвище одного из уже умерших священников, служивших в Браиле, — непонятно респондентам (информация Трофима Аврама и Николая Артиона). Некоторым неизвестно значение собственных прозвищ (информант Алексей Меликов не знает, что означает их семейное прозвище — *Зиза*, хотя его так тоже называют). Нам также ничего не известно о наличии в румынских старообрядческих селах семейных прозвищ на румынском языке.

В молдавском селе Покровка русский язык является явно доминирующим (пожилые люди не знают молдавского), но диалектные особенности ослаблены (возможно, под влиянием российских СМИ — телевидения, которое здесь смотрят все, и российских газет, которые многие выписывают). Однако новые семейные прозвища здесь также не образуются уже много лет. Информант Анастасия Щербакова (1949 г. р.) затрудняется сказать, когда их перестали давать людям. Многие

уцелевшие прозвища уже непонятны жителям села, возможно, они искажены: *Калчаки*, *Кирча*, *Голбы*, дед *Григорий Зиза Буза*, *Бармаха*, дед *Петро Бомбуш*.

В с. Кунича и в г. Вилково прозвищная традиция жива — некоторые семейные прозвища говорят о своем недавнем происхождении: *Мама Чоли* (многодетные мать и отец, г. Вилково); *Витя Мультик* (отец) и *Паша Мультик* (сын). В обоих примерах индивидуальное прозвище перешло на семью в недавнее время. В молдавских русских селах бытуют прозвища и на молдавском языке, но их значительно меньше.

В целом, изучение семейных прозвищ, зачастую связанных с окказиональными моментами, понятными лишь в контексте живой культуры, все более осложняется тем, что уходят носители традиции, в рамках которой в сельской общине не было названий улиц, дома не имели номеров, а официальные фамилии использовались лишь во внешней коммуникации. Человек пятидесяти-шестидесяти лет обычно еще может пролить свет на происхождение семейного прозвища. «Вы *Головатый*, — спрашиваю я у мужчины, который чинит кладку в Вилкове, — потому что у вашего отца была большая голова? Или он был очень умный?» — «Дед был председателем колхоза. Это он был *Головатый*».

С ослаблением семейных связей постепенно отмирает система более архаичных семейных прозвищ при сохранении индивидуальных. Об этом говорит список прозвищ, записанных в Вилкове Ольгой Глек (Мишурновой, 1946 г. р.) в 1975 г. (не опубликован). Восемьдесят процентов прозвищ — личные.

Кроме того, подвергается воздействию и диалект, в котором функционирует прозвище. В румынских селах он вытесняется румынским языком, которым владеют все и который для поколения 15–18-летних уже является родным; в молдавских и украинских селах он подвергается воздействию не только государственных языков, но и современного русского языка благодаря средствам массовой информации.

В перспективе необходимо следовать одновременно двум направлениям изучения прозвищ: 1) диахроническому — работать с архивными источниками, в частности, с переписями и другими документами, фиксирующими фамилии и прозвища, переход одних в другие; 2) синхроническому — полевым исследованиям, изучая прозвища в контексте диалекта и его словообразовательных моделей и семантических связей, в контексте историко-культурной реконструкции процессов этногенеза и мифологического пространства региона.

Возможно также рассмотреть прозвища в контексте ряда фольклорных жанров: корильных песен, детских дразнилок, окказиональных частушек. Весьма интересную попытку соотнесения локальных прозвищ (присловий) с корильными песнями делает в своей работе о прозвищах Н. В. Дранникова. Однако если она предлагает рассматривать прозвищную словесность «как мифологический пласт фольклора, инкорпорированный в естественный язык» [Дранникова 2004, 178—180], то в нашем случае — с разрушением общей системы фольклорных жанров, — мы можем констатировать скорее наличие бытовой (возможно, вторичной) традиции идентификации жителей южных старообрядческих сел по прозвищам. Упоминаний о выполнении прозвищами (как семейными, так и личными) обережной функции также не было. Хотя, возможно, как система прозвищ в целом в период своего формирования, так и отдельные антропонимы и несли на себе эту функцию.

Литература

Абрамов 1999 — *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 7-е изд., стереотип. М., 1999.

Антропонимика 1970 — Антропонимика. Сб. ст. / под ред. В. А. Никонова, А. В. Суперанской. М., 1970.

Вальтер, Мокиенко 2007 — *Вальтер Х., Мокиенко В.* Большой словарь русских прозвищ. М., 2007.

Веселовский 1974 — *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974.

Воронцова 2000 — *Воронцова Ю. Б.* Семантическое своеобразие русских коллек-

тивных прозвищ (на примере говоров Архангельской области) // Словесность и современность. Материалы науч. конф. 23—24 ноября 2000 г. Пермь, 2000. С. 105—113.

Воронцова 2001 — *Воронцова Ю. Б.* К вопросу о номинативной дистрибуции коллективных прозвищ Русского Севера // Изв. Урал. ун-та. 2001. № 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. С. 87—92.

Воронцова 2002 — *Воронцова Ю. Б.* Коллективные прозвища в русских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

Герд 1995 — *Герд А. С.* Введение в этнолингвистику. СПб., 1995.

Дранникова 2004 — *Дранникова Н. В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре русского Севера: Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск, 2004.

Журавлев 1984 — *Журавлев А. Ф.* Этнография в прозвищах // Русская речь. 1984. № 5. С. 124—129.

Зеленин 1903 — *Зеленин Д. К.* Словарь древнерусских личных собственных имен. Труд Н. М. Тупикова. СПб., 1903.

Зеленин 1994 — *Зеленин Д. К.* Народные присловья и анекдоты о жителях Вятской губернии (этнографические и историко-литературные очерки) // Зеленин Д. К. Избранные труды: в 3 т. Т. 1. Статьи по духовной культуре, 1901—1913. М., 1994. С. 38—64.

Зеленин 1994а — *Зеленин Д. К.* Велико-русские народные присловья как материал для этнографии // Зеленин Д. К. Избранные труды: в 3 т. Т. 1. Статьи по духовной культуре, 1901—1913. М., 1994. С. 64—77.

Климчук 1983 — *Климчук Ф. Д.* Этногеографические представления полешуков // Полесье и этногенез славян. М., 1983. С. 39—40.

Минкин 1987 — *Минкин А. А.* О саамских этнопонимах // Этническая топонимика. М., 1987. С. 92—103.

Селищев 1948 — *Селищев А. М.* Происхождение русских фамилий, имен, прозвищ // Ученые записки МГУ. Вып. 128. М., 1948. С. 71—149.

Тупиков 1892 — *Тупиков Н. М.* Заметки к истории древнерусских личных собственных имен // Библиограф. СПб., 1892. № 4—7.

Флоровская 1971 — *Флоровская В.* Прозвища в русских говорах Кубани // Этнография имен. М., 1971. С. 141—142.

Этнография имен. Сб. ст. / отв. ред. В. А. Никонов, Г. Г. Стратанович. М., 1971.

Этнонимы. Сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; отв. ред. В. А. Никонов. М., 1970.